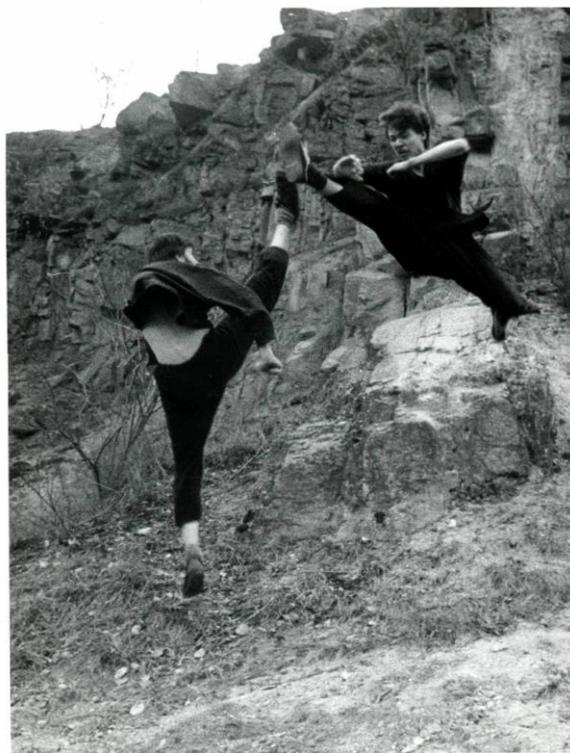

Геннадий Боценюк

Бесконечное оружие

фантастический триллер для детей младшего школьного возраста

(на фото — Геннадий Боценюк и Владимир Андреев)

ПОТОК

Их порывистые движения меня завораживают. Они жестокие хищники, прирожденные убийцы. Только охотой добывая себе пищу, эти членистоногие монстры рождаются, чтобы убивать. У них крепкий панцирь и мощные челюсти, но главное – слаженность действий и отличная организация. Накидываясь скопом на потенциальную жертву, они высасывают все соки, оставляют только пустую оболочку. Непрерывным бесконечным потоком движутся они к своей цели – выжить и победить, укрепить и приумножить будущие поколения. Дорога, проложенная разведчиками, отмечена запахами. Хитиновые волны живой материи непрерывно катятся к центру коллективного разума. На воротах твердыни застыли солдаты-охранники. Они не раздумывая погибнут, если возникнет такая необходимость, отдадут свои жизни, имея лишь одно желание – уничтожить побольше врагов перед смертью. Одна особь ничего не значит, ради продолжения рода добровольно гибнут сотни и тысячи.

Я лежал на сухой, выжженной солнцем земле, наблюдал за муравьями, гибкой травинкой мешал им работать. Я был богом муравьиной кучи, за секунду мог разрушить их многолетние старания, но мне нравились эти трудолюбивые насекомые - я их пощадил. Неужели, действительно, какая-то тварь наблюдает за нашими судьбами и может все сломать в одно мгновение? Читал я высказывание одного философа древности, который призывал восславить великого, вечного и бесконечного бога, который сам себя ... и от этого родился. «Восславим же бога, который сам себя зародил!» – вот как он мягко выразился. Нет, что хотите, а я не верю в этого гермафродита. Это ведь глупо, очень глупо. Он сам себя поимел, потом трахнул весь мир, а мы теперь дети его?! Пусть лучше этот ублюдок сам себя кастрирует, чем я поверю в такое извращение. Я буду за муравьями наблюдать, я их уважаю, они крутые.

День был горячий и душный, как стакан парного молока. Вы когда-нибудь пробовали горячее пенистое молоко просто из-под коровы? Пены в нем больше, чем в шампанском, живой вкус жидкой плоти пьянит сильнее крепкого сельского самогона. Человек, всю жизнь пивший молоко из магазинного пакета, никогда не сможет понять этих слов. Вы когда-нибудь были в селе, в тех простых семьях, где на рассвете женщину будит корова, потому что ее нужно доить после ночи?

Жарко, если дождей не будет еще несколько дней - весь этот лес сгорит к чертовой матери от одного не затушенного окурка какого-нибудь пьяного дегенерата. Пару дней и тучи были, и парило как в бане, но дожди прошли мимо, ни одной капли не уронили. Горячее полуденное солнце неудержимо двигалось к зениту, мой скудный отпуск приближался к закату, мои мозги сплывали и пора уже было пойти на речку, окунуться пару раз в теплую мутную воду. Неспешный поток подхватит мое расслабленное тело, пронесет его над глубиной и мелководьем, я буду покачиваться на микроволнах

спокойной лесной речушки, одним глазом поглядывая на свою одежду. Так, на всякий случай.

На безлюдном, как правило, берегу, там, где самый удобный спуск к воде, сегодня сидели две молодые девушки в простеньких синих купальниках. Они расположились на широкой бежевой подстилке и играли в карты. Я почему-то вначале обратил внимание на то, что колода была сильно потрепанной, а затем отметил про себя, что формы у девушек очень даже соблазнительные.

- Привет! Как вода сегодня?

Они только взглянули на меня и продолжили свою игру. Обе с бронзовым загаром, у обеих длинные русые волосы и длинные красивые ноги. Мне вообще провинциальные девушки больше нравятся. Киевлянки почти всегда какие-то изможденные и зеленые, особенно в последнее время.

- Девочки, вы присмотрите за моими джинсами?

Они захихикали, вероятно - это был знак согласия. Я разделся и не спеша зашел в воду. Мягкое илистое дно подарило мне осколок стекла, или еще какую-то дрянь, я расслабился и поплыл, поглядывая почему-то на девушек, а не на свою одежду. Настроение было отличное, жара уже не угрожала ударить по голове, да и смотреть на юных красавиц было очень приятно. Я приехал в эту глушь, чтобы побыть в одиночестве, отдохнуть от киевских шумных, потных толп, но видно уже отдохнул, а может быть это всего лишь инстинкт не дает мне покоя.

Выбираясь на берег, думал о том, как бы не наступить на то острое дерьмо, а потом упал просто на траву. Не нужна мне подстилка, пусть ползают муравьи по голым ногам, я их люблю, они крутые.

Странные дни: отдых, речка, ничего не нужно делать. Для человека, привыкшего к быстрому потоку столичной жизни, нет лучшего лекарства. Трудлюбивые селяне, между прочим, в эти дни работают на всю катушку. Они не могут, как я, спать до полудня. Им нужно растить и собирать урожай, заготовить корм для скотины. Ленивый горожанин купит потом плоды их труда, будет жаловаться, что цены высокие и ругаться последними матами. Вот эти девчонки, например, не каждый день могут вырваться на речку. Они помогают родителям, работают с утра до ночи, а ведь есть у нас такие ублюдки, которые заявляют, что мы живем плохо, потому что работать не хотим и не умеем. Вывезти бы таких уродов в чистое поле...

Девушки натянули на себя цветастые сарафаны, сложили подстилку и ушли. Я окунулся еще разок, подсох немного и тоже засобирался. Неожиданно к моему лицу подлетел черно-оранжевый шершень, завис, изучая. Сердце вздрогнуло и чуть не выскочило через задницу, боюсь я этих чертовых больших ос, знаю ведь – пара укусов и ты на небесах. К счастью, тварь улетела и я смог побороть дрожь в ногах, без особых приключений добрался к дому своих родственников, где я останавливался на ночлег.

Пару дней отдыха и опять я в столице независимой Украины, опять меня подхватывает круговорот работы, от которого голова идет кругом и мозги выворачиваются на изнанку. Глядя на расфуфыренных киевских девиц, почему-то вспоминал тех девчонок на берегу лесной речушки, игравших потрепанными картами. На них не было ни грамма косметики, она была им и не нужна. Светлые лица, темный загар, длинные распущенные волосы. Я влюбился в них с первого взгляда, жаль что второго не было, может быть у нас что-нибудь и получилось, а может быть и нет. Может быть, кто ж его знает.

Дни были жаркие и душные, погода не изменилась. Мягкий асфальт прогибался под ногами как песок, я даже подумал, что наш недоносок мэр может быть был прав, когда покрыл весь центр города своей позорной тротуарной плиткой. Уже с девяти утра тебя обволакивает знойное облако жары. На работу я езжу на метро, я ведь человек не богатый, но и не бедный, слава небесам. Метро в Киеве – индикатор нищеты. В провинции человек может ходить по улицам не имея ни копейки в кармане и не ощущая своей неполноценности, если же в Киеве у тебя нет пятидесяти копеек на метро – ты уже не человек, тебе уже не место среди «приличных людей». В моей жизни были тяжелые времена, когда я выезжал утром на работу на одном жетоне и одном крыле, стараясь заработать хоть пару гривен, половину заработка приходилось тратить на проезд. Это было после развода, когда я как джентльмен оставил своей каракатице квартиру и приличную сумму денег, а потом неожиданно потерял работу.

Мы развелись потому, что я хотел иметь детей, а эта сука заявила, что рожать не собирается, от этого у нее, мол, фигура испортится и к тому же она «вообще» не хочет иметь детей. Какое-то время терпел, думал смогу переубедить, но когда она стала трахаться чуть ли не с первым встречным, я ушел, а она тут же окрутила еще одного идиота. Она очень красивая, ведет себя как проститутка, куда только мои глаза смотрели... Не люблю об этом вспоминать. Сейчас я материально обеспечен, то есть на хлеб с маслом хватает, ближайшее будущее по-моему будет стабильным, к тому же на черный день отложен неприкосновенный финансовый запас, но есть и у меня серьезная проблема. Последний раз я трахался девятого мая, на день победы, блин, а до этого перед новым годом. Нет, у меня с этим все в порядке, только не с кем. Я без труда мог бы найти какую-нибудь шлюху, но мне бы хотелось с приличной девушкой, красивая шлюха в моей жизни уже была. Вообще мне не везет с этим делом, вот недавно познакомился с одной некрасивой, но с виду нормальной женщиной, очень скоро оказалось, что характер у нее еще хуже чем внешность. Я, конечно, продолжаю посматривать на девушек, но чаще всего это случается в метро.

Мы вместе зашли в вагон на «Театральной», сели напротив. Мордочка у нее симпатичная, волосы выкрашены в черный цвет, косметика – разумный компромисс. Белая полупрозрачная блузка, под ней – кружевной лифчик, черная мини-юбка не скрывает стройные ножки. Вот бы подойти к ней, познакомиться, выпить где-нибудь пива, а может немного сухого вина, но это невозможно. В лучшем случае она меня просто пошлет, у нас ведь не принято знакомиться в поездах подземки, или просто на улице. Времена не те, жизнь изменилась за последние десять лет. Она вышла, я поехал дальше, чудес не бывает, со мной уж точно.

Бесконечный поток людей постоянно заполняет поезда метро, с каждым годом общество все больше распадается на неорганизованные куски человеческой материи, но люди продолжают куда-то ездить, пытаются решать свои проблемы. Общей цели уже давно не существует, вероятно, не существует и общество. Каждый стал эгоистом, каждый сам за себя. Кто побогаче, ездит на собственной машине, кто победнее - на троллейбусе и в метро. Каждый пытается выжить сам по себе, на самопожертвование уже никто не способен. Те, кто объединяет усилия, в этой бесконечной борьбе за выживание, становятся более конкурентоспособными. Все остальные,

одинокие бойцы на жизненном поле боя, обречены на вымирание. Это жестоко, но это так.

ЛЮБОВЬ В НАШЕ ВРЕМЯ

Ей было уже за сорок, а ему еще не было и шестнадцати. Она его соблазнила, и он повелся. Зрелая женщина уложила в постель подростка и облизала его с головы до ног, особенно между ногами. Юношеская гиперсексуальность не подвела, мальчик был почти неистощим и доставил ей массу удовольствия. Ему голый секс понравился меньше, не было романтики, не было чувств, ведь он любил одну девчонку, дни напролет думал о ней, мечтал о ней по ночам, оставляя на светлых трусах желтые пятна, а тут просто трах-трах, вот и вся любовь. Его первая женщина была полноватой и некрасивой, грубой и развратной, чувство вины переполнило незрелое сознание, а кроме того он понимал, что его поимели.

Меня тоже однажды пытались соблазнить, когда мне было семнадцать лет. Девятнадцатилетняя суперсексуальная блондинка жила в одноместном номере, а я со своими родителями расположился через одну дверь. Мы познакомились и подружились. Что еще делать в доме отдыха? Мы танцевали на дискотеке, ходили на пляж. Белый хлопковый купальник становился почти прозрачным после воды, взгляд отвести я не мог, но я не проявлял активности, хотя видно понравился ей. Однажды она попросила меня покараулить возле раздевалки, а потом попросила развязать лифчик. Я зашел внутрь и развязал, спросил, могу ли идти. «Иди... дурак», - ответила красотка. С тех пор наши отношения несколько ухудшились. Если бы вы знали, какой у нее был бюст, вы бы меня не поняли. «Зачем ты вообще познакомился со мной?» – спросила она как-то раз, а я попытался объяснить, что храню верность своей будущей избраннице. Молодой еще был, не понимал, как оскорбительно это звучало. В то время мне казалось, что если ей 19, а мне 17, то это огромная разница.

Возраст - коварная вещь, природа вообще несправедлива в отношении секса и возраста. Девушке до тридцати можно все, ее все хотят и мужчины готовы ее любить очень сильно, но обычно в это время сами девушки еще и не очень-то хотят. После тридцати у женщин пробуждается настоящее желание, но мужчины в большинстве случаев уже смотрят на молодых и капризных, а у многих вообще не стоит. Это ужасно и примитивно, но такова жизнь. Люди ведь у нас в большинстве случаев неплохие, но материальный вопрос, в том числе квартирный, их испортил, как говорил когда-то конченный классик.

Когда мне было лет пятнадцать, я думал, что любви не существует, разве только у детей до четырнадцати. Через год я обнаружил обратное, после свадьбы я об этом не думал, а после развода не знал, что и думать. Жаль, только, что моего младшего брата так грубо и примитивно трахнули. У меня в первый раз все было намного романтичнее, толку от этого никакого, конечно, но все равно жаль братишку.

Несмотря на разницу в возрасте, мы всегда были откровенны друг с другом. Открыв мне самые интимные стороны своей молодой жизни, он оказал мне огромное доверие. Этим можно было гордиться, мой брат мне полностью доверял, хотя я бы на его месте наверное все это дерьмо держал при себе, но мне бы от этого было не легче.

БРАТ МОЙ МЕНЬШИЙ

Когда он вечером пришел домой, мать чуть не упала в обморок. Огромный синяк под глазом, из разбитого носа кровь хлещет, но братишка не падал духом.

«Если бы вы видели, как я их отделал!» – гордо заявил парень и поплелся к умывальнику. Я был рад за него, отсчитывая капли корвалола в граненый стакан с кипяченой водой. Вечером он мне признался, что подрался из-за девушки.

- Это настоящий мужской поступок. – сказал я ему и пошел мать успокаивать. Нелегкая это работа, нужно отметить. Пришлось выслушать лекцию о том, что когда Я был в ЕГО возрасте... и т. д. Я, может, и был очень приличным тихим ребенком, но тоже дрался, хорошо, что она об этом не знала. Сейчас мне уже перевалило за тридцатник, но недавно ведь и я дрался. Впрочем, это была не драка, а избиение, мне ведь никто и зуботычины не дал.

Уж сколько раз твердили миру, что валюту с рук меняют только лохи, но я попался на этот древнейший трюк. Я подходил к станции метро «Политех», подсчитывал мелочь. Выяснилось, что у меня не хватает пяти копеек на жетон. В кармане лежало сто долларов. Жара была страшной как никогда, обменники все закрыты, только через дорогу, в каком-то магазине принимали зеленые деньги, обменивая их на национальную валюту. В тот день мне пришлось встать в шесть утра, к шести часам вечера в голове уже было мутно. Полусон, полуявь, полоумное состояние насмерть уставшего человека. В очереди к обменнику было человек шесть, пот струился ручьями по всему телу, очень хотелось выпить холодного пива, но прежде нужно было поменять эти проклятые доллары. Элегантный молодой человек подошел ко мне и спросил, не хочу ли я поменять валюту по продажному курсу. «Мне для себя нужно, вы же знаете – они не продадут». Несмотря на жару, он был в галстуке и темной рубашке, туфли тоже были престижными. «Деньги вперед». – решил я, глядя на его портмоне. «Можно я посмотрю на ваши? В ваших же руках!» Неохотно я достал из правого нагрудного кармана тенниски сложенную купюру, придерживая указательным и большим пальцем, дал ее пощупать.

Все что было дальше, происходило очень быстро. В магазин вошли пятеро, мой «меняла» накрыл купюру своей ладонью и я даже заметил, как он пытается подсунуть в мою руку еще одну бумаженцию. Они видно за последнего лоха меня приняли, но я тоже не первый день как на свет появился. Не дожидаясь пока подойдет эта бригада, я мгновенно зажав в кулаке СВОИ доллары, дернул руку на себя, но братишка не разжал дружеских объятий. Неожиданно для самого себя, я заломал ему руку и развернув бычка (он был тяжелее меня килограмм на двадцать), разбил его смазливой харей витрину с косметикой. Стекло было толстым, он упал на кучу и еще гора осколков упала на него, вместе со всеми этими пузырьками, баночками и бутылочками, мать его. Я разжал кулак и увидел две зеленые купюры: один доллар, который успел мне подсунуть «меняла», а также МОИ сто долларов. Они правда выглядели как использованная туалетная бумага, так как еще за минуту до этого представляли собой гладкую хрустящую бумажку, но это ведь были те самые, рельеф верхних надписей четко прощупывался.

«Что это за борьба борицу?!» – закричал кто-то по ту сторону прилавка. – «Кто за витрину платить будет?!»

Неторопливой походкой (словно Арнольд Шварцнегер, который уже перебил всех врагов), я вышел из магазина, бросив себе под ноги гребаный доллар, толпа кидал при этом отшатнулась от меня как от ходячей бомбы. Зазвонил мой дебильный телефон. «Буду через двадцать минут». - сообщил я своему партнеру, а сам думал о том, где же мне теперь поменять валюту. Возвращаться к обменнику в тот же магазин было как-то неудобно. Было очень жарко и очень хотелось выпить пива, только нормальных денег у меня не было, а в пределах прямой видимости не было действующего обмена валют.

Я уже подошел к входу в метро, когда услышал сзади топот. Они подбежали все пятеро (интересно, как себя сейчас чувствует тот урод?), окружили плотным кольцом, блокируя вечно подвижные метропотные двери.

- Пошли разбираться, ты витрину разбил, знаешь сколько она стоит?

- Ребята, вы ж меня хотели на сто баксов кинуть. Вы что, вообще оборзели?

- Никто тебя не кинул, мы в магазине работаем, пошли разбираться.

- Ребята, я сейчас милицию вызову. – сообщил я, доставая мобилку.

- Вызывай, давай, мы уже вызвали, пошли разбираться за витрину.

И тут я все понял – у них свои менты и это их подписка. Невозможно заниматься таким грязным бизнесом и не иметь прикрытия. Если приедут ИХ менты, я уже никогда не увижу свои сто долларов, не увижу своей мобилки и своей настоящей зиповской зажигалки, будет хорошо если не стану инвалидом после ИХ ментуры. У нас ведь правовое государство, МАТЬ ИХ, государство всегда право в лице своих мундиров, если «мундилы» не правы – смотри пункт первый.

- Отлично, я за милицию, давайте ускорим процесс.

Воспользовавшись тем, что пеньки застыли как вкопанные (реакция у них была неважная), я проскочил в метровские двери и сразу кинулся к тетке у начала эскалатора.

- Где дежурный милиционер? – сурово спросил я, сжимая кулаки от притока адреналина.

- Внизу на платформе. – ответила она и тут же отошла в сторону, пропуская меня. Это была неслыханная удача, у меня ведь даже жетона не было, а тетки обычно стоят насмерть. Я не стал дожидаться особого приглашения. Спускаясь по живой эскалаторной ленте и глядя вверх (погони нет), я думал о том, что еще не известно кто из нас лох.

На «Политехе» спуск долгий, ближе к концу, взглянув вверх, я увидел как двое пеньков бегут по эскалатору, перепрыгивая через три ступеньки. Они пожимали печами, показывая мне свое удивление. Не буду же я убегать от них, у меня есть чувство собственного достоинства. Один черный и один крепыш с бритым черепом. Типичные шестерки, судя по мордам. Бригадир дал приказ догнать меня, и они догоняют. Только им может нужно догнаться, чтобы догнать: не на того напали, придурки. Разве лохи разбивают кидалами витрины с косметикой? Если вы плаваете в таком дерьме, будьте хоть чуть-чуть психологами, вы же должны еще издали видеть человека, к которому может быть никогда не стоит подходить со своим кидаловом. Драки не избежать, вы ответите за слезы слабых женщин, скоты, вы еще тысячу раз пожалеете, что на меня навалились. Адреналин кипел в крови, может и был я немного испуган, но ведь за свои кровные деньги решил драться, а может и не только за это, но все же решил сделать попытку мирного урегулирования конфликта.

- Куда же ты убежал? Мы уже ментов вызвали.

- Отлично, я вот тоже дежурного ищу.
- Так пошли на верх, ты витрину разбил.
- Ребята, вы еще не поняли, я же вас на куски разорву.

Сказано это было без эмоций, очень спокойным тоном, хоть внутри все кипело, но они не поняли. Стояли живой оградой, не давая пройти к платформе.

Я обернулся к тетке, которая сидела в будке, наблюдая за пассажиропотоком на эскалаторе и жестом попросил пеньков подождать пару секунд.

- Где ваш дежурный милиционер?
- Там на платформе. – спокойно ответила она.
- Что-то я его не вижу. – оглянувшись сказал я.
- Так он же на платформе, его и не видно отсюда.
- Вызывайте его немедленно, тут конфликтная ситуация.

Она нажала на кнопку, отчего пронзительно зазвенел сигнал тревоги. Пеньки даже не вздрогнули.

- Вызывайте, тут сейчас будет такая драка, какой вы в жизни не видели.

Она видно поняла это по моему лицу и тут же схватила трубку телефона без номеронабирателя. Внутренняя связь, вероятно.

- Маша, а где Петро? У меня? Вызови его по рации, тут конфликтная ситуация.

Пока происходил этот разговор, я заметил, что спускаются еще двое уродов из той же компании. Лучше начинать сейчас, пока они еще по двое, кто знает, может они уже всеобщую мобилизацию объявили, не буду же я со всем Политехом драться. Повернувшись к пенькам, я без лишних разговоров дал каждому в рыло, отчего оба упали. Они даже моргнуть не успели, просто выпали в нокаут. Развернулся и отступил на пол шага. Те двое уже спустились и стали в боксерские стойки. Тетка звонила в свой звонок, никто не подходил, рядом сновали стайки людей, старательно отворачиваясь.

«Ах, у вас боксерские стойки, козлы! Получайте!»

Инстинктивно я ударил обоих правой рукой в пах и они тут же согнулись пополам. Тетка неистово звенела, первые двое уже начали ворочаться, а я услышал, как подъезжает поезд, развернулся и побежал. Запрыгивая в последний момент в вагон, я таки увидел дежурного милиционера. Он действительно прохаживался в самом дальнем конце платформы, помахивая своей резиновой палкой.

«Ну и хорошо, что его не было». Адреналин насытил кровь на две сотни процентов. Весь взмыленный и взвинченный, только на «Берестейской» понял, что еду не в ту сторону, но как я был собой доволен!

Брат мой младший подрался с тремя пацанами из своего же класса. Он открыто ухаживал за девочкой, в которую по уши влюбился. Она над ним смеялась. Над ним все смеялись, весь класс. Когда насмешки стали нестерпимыми, а это было сразу после уроков, он пустил в ход кулаки и получил по морде. Для того, чтобы трое получили от одного – нужна хорошая подготовка.

Мы болтали с ним до двух ночи, впервые в жизни я сам разрешил ему покурить, хоть за два дня до этого пообещал голову оторвать, если еще раз увижу с сигаретой.

- Знаешь, я хочу с тобой вместе тренироваться. – доверительно сообщил он мне.

- Я знал, что пока ты где-нибудь по морде не получишь, тяги к боевым искусствам не будет. У меня ведь тоже так было.

Договорившись вместе сходить в пятницу вечером на тренировку в лес, мы пошли спать. Он тут же захрапел, даже через стенку слышно было.

«Богатырь, однако». – подумал я, переворачиваясь на другой бок, но спать не хотелось ни грамма. Мысли всякие, одна глупее другой, переполняли мою светлую голову. Ну, обидно, действительно, последние кидалы с «Политеха» кучкуются в стаи, те в свою очередь объединены в группировки, у каждой свои авторитеты, а нормальные люди раздроблены по своим хатынкам-квартиркам, нет у них ни лидеров, ни группировок, да и вообще ни черта у них нету.

Я представил себе отряд молодых парней в блестящих доспехах, с длинными дубинками в руках, которые подходят к кидалам на «Политехе», бьют их по паршивым бритым черепушкам, а потом тяжелыми каблуками ломают им пальцы. Поток тех же парней движется к президентскому дворцу, они выкрикивают мое имя, разгоняют тройной заслон спецназовцев. Во главе победоносной колонны боевиков, я переступаю через окровавленный труп президента и глядя в объективы телекамер, обращаюсь к народу. С такими мечтами я и уснул.

На следующий день, мать нашего буйного драчуна подростка, она же и моя мама на самом деле, вызвали к директору школы. Я сам вызвался пойти.

Сентябрь только начинался, а осень как по команде обрушила на нас холодные дожди и ледяные ветры, где они были все это лето, когда от жары умереть было легче, чем сходить в магазин...

Я одел черный костюм, начистил свои тупоносые туфли и к началу перемены между первым и вторым уроком, переступил порог светоча знаний. Перехватив выходящего из класса братишку, я вместе с ним спустился на первый этаж и тут же в коридоре мы столкнулись с директрисой. Невысокая полная женщина ехидно улыбнулась, обнажив челюсть с несколькими золотыми зубами. Эта злорадная ухмылка не предвещала ничего хорошего. Брат мой меньший вжал голову в плечи и словно стал в два раза ниже.

- Наконец-то вы появились!
- Разве не на сегодня вы вызывали родителей?
- Вы не знаете что он натворил? Я думала, вы еще до уроков ко мне прибежите.

Оскорбительные и вызывающие речи меня уже давно не трогают, даже если их рассыпают директора общеобразовательных учреждений. Опираясь на свой черный зонтик-трость, я тоже улыбнулся и посмотрел ей прямо в глаза, отчего крикливая старушенция вздрогнула.

- Зайдите в мой кабинет.
- Остайся, – сообщил я брату.
- Пусть он тоже зайдет!
- Пусть останется.

ОМУТ

Работы у меня в последнее время было очень много, свободного времени почти не было, но как говорил один мой друг, никогда нельзя жаловаться, если у тебя много работы, значит будут деньги. Сразу после горячего разговора с

директором, в котором мне удалось одержать полную победу, я нырнул в бездонный поток финансовых документов и экономической расчётов, грязный мутный омут современного крючкотворства, от которого нормальный человек за пол дня тронулся бы умом. Это очень тихий и спокойный омут, чертей в нем нет, но зато очень много государственных чиновников, тихо и спокойно закручивающих жуткие водовороты хищений, иногда сверкает плотоядная демоническая ухмылка контролирующих органов, они находят стрелочников, не умеющих воровать, они списывают на них все грехи, они отпускают этих козлов, а судебная власть...

- Эй, головоногий! – на плечо мне легла тяжелая рука.

В моих руках даже зонтик может превратиться в страшное оружие, но для начала я почти миролюбиво оглянулся. Боевая тревога отменяется. За моей спиной стоял самый добродушный амбал на свете, мой бывший одноклассник... фамилию забыл. Да и учились мы вместе только два последних года. Саша, это помню. Да у нас каждый второй в классе был Саша, а как же...

- Узнал меня?

Очень глупый вопрос. За последние десять лет (мы пару раз виделись после школы) он практически не изменился. Те же два метра роста, и почти столько же в плечах, и даже причёска, которая, кажется, называется – «я примерный мальчик».

- Узнал, конечно.

В центре Киева, да и любого города, где больше трех миллионов жителей, не часто случайно встретишь старого знакомого.

- А я на той неделе Ирку видел. У нее уже двое детей, только мужа нет.

Ирка. Я был в нее влюблен. У нас были романтические отношения, но мы поругались перед самым выпускным вечером, а помириться так и не успели, каждый был занят своими делами.

- А что с мужем случилось?

- Не знаю. Разошлись.

- Я тоже. Может, пива выпьем?

- Не могу. Я за рулем. Да я сейчас вообще не употребляю. Только по праздникам. Дефект у меня есть – если уже пью, то краев не замечаю.

- Да? Ну, у меня с этим вроде нормально.